

ВИКТОРИЯ
ТОКАРЕВА

A decorative flourish consisting of a large, elegant loop that starts under the 'В' of 'ТОКАРЕВА', goes up and over the 'О', then loops back down and under the 'А', ending in a small tail.

ВИКТОРИЯ
ТОКАРЕВА

НАЗЛО

АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-32
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Т51

Компьютерный дизайн А.И. Смирнова

Подписано в печать 15.07.14. Формат 70х90^{1/32}.
Усл. печ. л. 11,6. Доп. тираж экз. Заказ № .

Токарева, Виктория

Т51 Назло : [сборник] / Виктория Токарева. —
Москва: АСТ, 2014. — 318, [2] с.

ISBN 978-5-17-081348-3

«Нельзя испытывать любовь. Испытывать можно только самолеты. Они из железа». Эта неоспоримая истина — цитата из рассказа «Назло», ставшего заглавным для сборника, — задает эмоциональный тон всей книге.

Нельзя испытывать... что?

Не только любовь. Но и порядочность. Терпение. Верность. Доверие.

Простые истины, которые герои и героини Виктории Токаревой постигают снова — на собственном, зачастую очень горьком, опыте. И мы верим им — потому что узнаем в них себя...

УДК 821.161.1-32
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© В. Токарева, 2012
© ООО «Издательство АСТ», 2014

НАЗЛО

Надя примеряет подвенечное платье. Она стоит на столе. Вокруг нее медленно передвигается модельер Ирина, устанавливает длину подола. Подкалывает специальными иглками.

Надя видит себя в зеркале.

— Супер... — отмечает Надя.

— А вы его любите? — спрашивает Ирина.

— Жениха? — уточняет Надя.

Ирина кивает. Во рту у нее иглки.

Надя думает. Потом говорит:

— Что значит «любите»? Захочу и полюблю. Все от настроения зависит. Я ему благодарна. А благодарность — материал прочный. На благодарности многое можно выстроить: и семью, и даже счастье.

Ирина вытаскивает изо рта иглки. Подкалывает подол.

— Благодарность — чувство аморфное, — возражает Ирина. — А счастье строится только на любви.

— А какой толк от этой любви? Пришел — ушел. Устроился. Имеет жену и любовницу. Значит, мне жить и стареть в любовницах. Промурыжит до сорока лет, а потом — кому нужна? Время работает против меня.

— А вы его любите?

— Кого? — не понимает Надя.

— Любовника своего.

— Любовник — грубо. Возлюбленный. «Возлюбленный, как никакой другой, возлюбленным уж быть не может». Бунин.

Ирина перестает подкалывать. Говорит мечтательно:

— У меня тоже был любимый человек.

— Был да сплыл?

— В каком-то смысле, — соглашается Ирина.

— «Настоящая любовь никогда не кончается браком».

Бунин.

— Он хотел на мне жениться, но его мамаша тормозила. Хотела, чтобы он женился на своей.

— На еврейке?

— На мусульманке.

— У них там строго. Ислам, — подтвердила Надя.

— Мы встречались три года, — продолжала Ирина. — Его мамаша встала как скала. Я мечтала, чтобы она куда-то делась. Эмигрировала бы в Австралию. У нее там старший сын живет. Но она ни с места. Сторожила Максуда, как собака.

— Он был красивый? — спросила Надя.

Ирина устремила взгляд в пространство, как будто видела перед собой любимого человека. Потом заговорила:

— Брови высокие... Глаза — золотой бархат. Зубы — белые, как сколотый сахар, крепкие, как у молодого волка. Губы мягкие, как у лошади.

— Как у коня, — поправила Надя.

— Когда он на меня смотрел, у него трепетали кончики ресниц. От нежности. Мы часто ссорились последнее время из-за мамы. Я упрекала, а он на меня смотрел, и кончики ресниц дрожали. Какое это было счастье...

— А у Андрея от любви голос садится. Говорить не может...

— Однажды его мамаша вышла на балкон, — продолжала Ирина. — А возле балкона дерево росло. И вдруг оно упало со страшным треском. Чуть не срезало балкон. В двадцати сантиметрах упало. Представляете?

— Да. Неудачно получилось.

— Как раз удачно. Еще бы двадцать сантиметров, и ее бы убило.

— Я и говорю.

— Нет-нет, что вы... Пусть живет до 120 лет.

— И чем все кончилось?

— Я вышла замуж. Назло.

— А дальше?

— Дальше не было ничего. Он погиб. ДТП. Дорожно-транспортное происшествие. Поехал куда-то ночью и столкнулся с грузовиком в лоб. Заснул, наверное...

— Ужас... — выдохнула Надя.

— Если бы я была рядом с ним, он никуда бы не поехал и остался жив. А если бы я оказалась рядом в машине, он бы не заснул. Со мной бы он не умер. А теперь его нет. Нигде. Никогда.

— А новый муж, как он выглядит? — спросила Надя.

— Не знаю. Я на него не смотрю. Ребенок растет. Мальчик. Макс. Когда он на меня смотрит, у него реснички трепещут. Передалось.

— А ребенок от кого? — не поняла Надя.

— От мужа. Но я все время думаю о Максуде. Мальчику передалось.

Ирина замолкает. Начинает выравнивать длину. Потом прерывает работу. Говорит:

— Ничего не надо делать назло. Зло убивает. Максуда нет. Меня, считай, тоже нет. Его матери тоже нет, хоть она и жива... Я все время возвращаюсь в точку, когда я совершила ошибку. Вернуться бы в эту точку, в эту минуту, и пойти в другую сторону.

Надя напряженно смотрит перед собой. Слышит голос Ирины:

— Нельзя испытывать любовь. Испытывать можно только самолеты. Они из железа.

ЗАЧЕМ?

Однажды, в девяностых годах (не помню точно — когда), мне позвонил Сергей Александрович Филатов и попросил принять участие в форуме интеллигенции. Форум должен был состояться в Уфе и длиться один день. Во вторник — туда, вечером — обратно. Гонорар не предусмотрен. Полет и гостиница — за счет принимающей стороны.

Нужен мне этот полет и эта гостиница. Я боюсь летать — это раз. Я ненавижу гостиницы с чужими, случайными кроватями, и я не люблю выступать перед аудиторией. Стесняюсь. Мне кажется, люди смотрят и думают: «О, вылезла».

Один писатель признался мне однажды, что он боится споткнуться на сцене и упасть. А в зале подумают: такой здоровый — и выложился.

Мне захотелось сказать «нет». Но Сергей Александрович — негромкий, значительный, благородный человек. Я не решилась сказать ему «нет».

Я сказала, что полечу с большим удовольствием.

В назначенное время я приехала во Внуково, где состоялся сбор участников форума. Участников я увидела сразу. Они стояли в центре зала, как маленький табун старых лошадей. Холстомеры.

Это были плохо одетые, глубоко пожилые люди. Однако имена их буквально сверкали в семидесятые годы. Это были звезды семидесятых.

Чуть в стороне стоял прямой и элегантный Генрих Боровик. Смотрел перед собой. Ни с кем не общался.

Самолет взлетел как обычно.

Рядом со мной оказался талантливейший Владимир Маканин. Он сидел у окошка и смотрел в иллюминатор.

Через полчаса я вдруг ощутила давление на уши, очень чувствительно, как будто кто-то надавил двумя пальцами.

Мы с Володей выразительно переглянулись. Что бы это значило?

— Разгерметизация, — предположил технически образованный Маканин.

В динамике раздался треск и мужской голос.

— В связи с техническими неполадками самолет возвращается в аэропорт Внуково, — сурово и мужественно доложил голос.

Владимир стал смотреть в иллюминатор.

— А мы никуда не летим, — заметил он. — Мы делаем круги над Ленинским проспектом.

Итак, самолет разгерметизировался, дальше лететь нельзя. Садиться с полными баками тоже нельзя. Придется крутиться в небе, чтобы израсходовать топливо.

Весь форум интеллигенции напряженно замолчал.

Сергей Александрович Филатов с женой сплели руки, держась друг за друга. А за что еще держаться в аварийном самолете?

Член Государственной думы, продвинутый чеченец (забыла фамилию), что-то писал в блокноте. Готовился к выступлению на форуме. Он был совершенно спокоен. Может быть, в ментальности чеченцев не принято выказывать страх перед смертью. Тем более что это неточно. Все может окончиться благополучно.

По проходу шныряли озабоченные стюардессы.

Я нервничала и от этого шутила. Видимо, юмор прячет страх.

Страх гримируется в смешное. Меня никто не поддерживал. Стояла полная тишина.

И вдруг раздался чей-то командирский голос, обращенный к стюардессе:

— А почему вы не даете нам обед? Решили воспользоваться внештатной ситуацией и сэкономить на питании? Я вот сейчас достану свои документы, вы увидите, кто я таковой, и поймете: со мной ваши штучки не пройдут.

Я завертела головой, пытаюсь определить склочного участника.

Надо же, жизнь на волоске, а он хочет жрать и еще угрожает.

Стюардессы скрылись. Через десять минут они появились с тележкой и шустро раздали всем пластмассовые коробки с едой.

Я раскрыла коробку. Там лежал нехитрый самолетный набор аэрофлота. Однако я вдруг почувствовала зверский аппетит. Видимо, стресс провоцирует жажду жизни.

Впереди меня сидел знаменитый артист. Патриот. Он жевал и шумно дышал носом.

Артист был недоволен дважды: самолет может упасть, и форум превратится в братскую могилу. Это раз. Но еще не все. В составе форума пятьдесят процентов евреев, тридцать процентов татар. А лежать в одной куче с иноверцами он бы не хотел. Это два. И второе важнее, чем первое.

Идея дороже самой жизни. Однако эти размышления не снижали аппетита артиста. Он жевал и дышал.

В самолете стояла напряженная тишина, хруст и чавканье. Форум поглощал еду и наслаждался едой, отодвигая минуты неопределенности.

Самолет стал снижаться. Я старалась не смотреть за окно. Смотрела на Володю Маканина.

Я помню его молодым. Он изменился в лучшую сторону. Седина ему шла, и особенно шла знаменитость. Он стал живым классиком.

Большие кисти рук лежали на подлокотниках кресла.

Самолет провалился в яму. Я схватилась за Володину руку. Мое сердце подплыло к горлу. Еще немножко — и выскочит. Но обошлось. Слава тебе, Господи...

Побежали огни посадочной полосы. Шасси ударились об асфальт. Самолет промчался и затормозил. Сели. Все восторженно зааплодировали, включая того, с документом.

Начали подниматься со своих мест. Я встретила глазами с Генрихом Боровиком.

— Сели, — сказала я.

— Сели, — согласился он. — Только где?

Я не поняла. Мои глаза сделались круглые и настороженные.

— Когда человек внезапно погибает, природа оставляет после смерти все по-старому. Чтобы душа привыкла, не сошла с ума. Природа бережет душу, — разъяснил Боровик.

У Генриха Аверьяновича недавно погиб сын. Видимо, все его мысли были связаны с этим событием. И тем не менее кто знает... А может, мы действительно приземлились на том свете.

Я взглядела в иллюминатор: ноябрь, снежок, земля. Все как было.

Подогнали трап.

Я осторожно спустилась, недоверчиво оглядываясь по сторонам.

Форум вернулся в аэропорт.

— Сейчас будет устранена поломка самолета, и мы полетим в Уфу, — сообщил Филатов. — Все могут подняться в зал ожидания.

Я больше не верила этому самолету. Если он разгерметизировался один раз, то кто даст гарантию, что это не случится опять? Самолет был скомпрометирован в моих глазах. Я на нем не полечу и за миллион, а тем более бесплатно.

Я не сдавала свою сумку в багаж, и меня ничто не задерживало.

Я подошла к Филатову и сказала:

— Я не полечу. Я уезжаю домой.

— Ну что вы... — огорчился Сергей Александрович. — Вас так ждут...

Я быстро зашагала к выходу. Меня буквально несло — подальше от этого места. Я не хотела лететь с самого начала. Надо уметь слушать внутренний голос, но я сломала себя. Полетела. И мой ангел-хранитель вернул меня с полпути.

Перед тем как выйти из помещения аэропорта, я оглянулась. Весь форум интеллигенции покорно шел вверх по лестнице, чтобы переждать ремонт самолета. Пожилые люди с трудом вздымали свои тела. Им предстояло ждать не менее трех часов. Значит, они прилетят в Уфу невыспавшиеся, помятые. А впереди напряженный день с выступлениями, с выбросом энергии. Зачем? Во имя чего? Как вопрошал итальянец Тонино Гуэрра: «Пер ке?»

Я поймала такси и поехала домой.

За окошком машины бежала земля — такая привычная и прочная. Я хотела домой, как будто отсутствовала полгода по крайней мере. Машина катила, наматывала дорогу на колеса.

Домой, домой, в родные стены, к родным лицам. Подальше от случайности и неопределенности.

Перед глазами возникли участники форума, идущие вверх по лестнице. Холстомеры. Сидели бы дома...

Но вдруг я поняла, зачем они летят. Пер ке?

Девяностые годы зачеркнули их таланты, их личности. Сделали их жизнь напрасной и необязательной. Дескать: да, были такие. Ну и что? И они летят, чтобы прокричать свои ценности, свой смысл жизни. И ради этого они согласны не спать и устать и даже сверзиться вниз с большой высоты.

А ИЗ НАШЕГО ОКНА...

Борису Гороватеру — хорошему человеку

Молодой режиссер Сергей Тишкин приехал на кинофестиваль. Фестиваль — коротенький и непрестижный. Городок маленький, провинциальный. Да и сам Тишкин — начинающий, не уверенный в себе. Он понимал, что фестиваль — это трамплин, толчок к восхождению. Это место, где соревнуются и побеждают, а заодно оттягиваются по полной программе: пьют и трахаются с молодыми актрисами. Молодые актрисы хотят любви и успеха. Для них фестиваль — шанс к перемене участи.

Сергей Тишкин рассчитывал просто отоспаться. У него родился ребенок. Жена валилась с ног. Сергей подменял ее ночами. Он носил свою девочку на руках, вглядываясь в крошечное личико с воробьиным носиком и полосочкой рта. Она была такая крошечная, такая зависимая...

Если, например, разомкнуть руки, она упадет на пол и разобьется. Значит, она полностью зависит от взрослых и может противопоставить только свою беспомощность. И больше ничего. У Тишкина сердце разрывалось от этих мыслей. Он прижимал к груди свое сокровище и делал это осторожно, трепетно. Даже проявление любви было опасно для крошечного существа.

У жены воспалилась грудь, температура напозвала до со- рока. Прежняя страсть улетела куда-то. На место страсти опустилась беспредельная забота и постоянный труд, непре- кращающиеся хлопоты вокруг нового человечка.

Тишкин думал, что появление ребенка — счастье, и толь- ко счастье. А оказывается, сколько счастья, столько же и труда. Плюс бессонные ночи и постоянный страх.

Тишкин поехал на фестиваль с чувством тяжелой вины перед женой и дочкой. Он не хотел отлучаться из дома, но жена настояла. Она всегда ставила интересы мужа выше сво- их. Поразительный характер. При этом она была красивая и самодостаточная. Все данные, чтобы не стелиться, а пове- левать. Она любила своего мужа, в этом дело. А если любишь человека, то хочется жить его интересами.

В дом заехала теща, серьезная подмога. Жена и дочка не одни, а с близким человеком. И все же...

Вечером состоялось открытие. Сначала был концерт. Потом банкет.

Сидя в ресторане, Тишкин оглядывал столики, отмечал глазами красивых женщин. Просто так. По привычке. Он не исключал короткий левый роман. Не считал это изменой семье. Одно к другому не имело никакого отношения.

Красивые актрисы присутствовали, но за красивыми надо ухаживать, говорить слова, рисовать заманчивые пер- спективы. А Тишкин все время хотел спать и мог рассмат- ривать женщину как снотворное. Красивые не стали бы ми- риться с такой малой ролью — снотворное.

Тишкин перестал оглядываться, стал просто пить и за- кусывать. И беседовать. Но больше слушал: кто что говорит. Говорили всякую хрень. Самоутверждались. Конечно, за- столье — это не круглый стол, и не обязательно излагать глу- бокие мысли. Но хоть какие-нибудь...

К Тишкину подошла Алина, технический работник фе- стиваля. Она была из местных. На ней лежала функция рас- селения.

— Извините, — проговорила Алина. — Можно, я подсе-
лю к вам актера Гурина?

— Он же голубой... — испугался Тишкин.

— Что? — не поняла Алина.

— Гомосек. Гей, — растолковал Тишкин.

— Да вы что?

— Это вы «что». Не буду я с ним селиться.

— А куда же мне его девать?

— Не знаю. Куда хотите.

— Я могу его только к вам, потому что вы молодой и на-
чинающий.

— Значит, селите ко мне.

— А вы?

— А я буду ночевать у вас.

— У меня? — удивилась Алина. Она не заметила иронии.

Все принимала за чистую монету.

— А что такого? Вы ведь одна живете?..

— Да... Вообще-то... — растерялась Алина. — Ну, если
вы согласны...

— Я согласен.

— Хорошо, я заберу вас к себе. Но у меня один ключ.

Нам придется уехать вместе.

— Нормально, — согласился Тишкин. — Будете уезжать,
возьмите меня с собой.

Алина отошла торопливо. У нее было много дел. Тиш-
кин проводил ее глазами. Беленькая, хорошенькая, тип офи-
циантки. Полевой цветок среднерусской полосы. Такая не
будет потом звонить и привязываться. Никаких осложнений.

Они уехали вместе.

Алина жила в пятиэтажке, в однокомнатной квартире.

Весь город, кроме старого центра, состоял из этих убо-
гих панелей. По швам панели были промазаны черной смо-
лой, чтобы не протекала вода.

Из окна виднелись другие панельные дома — депресси-
онное зрелище. Если видеть эту картинку каждый день, за-